

зированной этнографической деятельности ряда собирателей и ученых-исследователей. Автор пытается по-новому осветить и оценить их теоретические и идейные позиции, их роль и место в истории развития этнографической науки на Украине. История украинской этнографии выступает в книге в непосредственной связи с историей и жизнью украинского народа и всей страны, с развитием общественно-политической мысли, возникновением и борьбой различных направлений в этнографии — просветительско-демократического, революционно-демократического, либерально-буржуазного.

В книге ярко показано, как развитие украинской этнографии тесно переплетается с ростом и успехами русской этнографической науки, на всем своем пути ощущая ее благотворное влияние. Русско-украинские связи в области этнографии — один из стержневых вопросов, являющихся предметом исследования В. Ф. Горленко. Автор освещает роль Российской академии наук в этнографическом изучении Украины, специальную главу посвящает Русскому географическому обществу и его значению в развитии украинской этнографии, плодотворного сотрудничества русских и украинских этнографов. Работа В. Ф. Горленко выходит далеко за рамки истории украинской этнографии, в ней затрагиваются немало фактов из истории русской этнографической науки.

В. Ф. Горленко в своем исследовании впервые поставил вопрос о вкладе украинских этнографов в отечественную и мировую науку, в изучение народов Сибири, арабского Востока и др.

Исследование В. Ф. Горленко является результатом длительных поисков, кропотливого труда. Весьма значительна источниковедческая база исследования, в котором использованы огромная литература, архивные фонды, позволившие ввести в научный оборот много новых или малоизвестных фактов, имен. Так, впервые подробно освещена этнографическая деятельность Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа. Эта часть рецензируемого труда (глава V) открывает новую страницу в истории украинской этнографии.

Читателя этого ценного и интересного труда огорчает лишь отсутствие необходимых указателей, особенно указателя имен, а также иконографии украинских этнографов и представителей смежных отраслей знания, много сделавших для развития украинской этнографии.

Можно пожелать, чтобы автор продолжил свое исследование истории украинской этнографии, показав ее дальнейшее развитие во второй половине XIX в., в первые десятилетия XX в. и особенно в советский период, ее основные тенденции, направления, достижения, задачи и перспективы. Опубликованная в 1964 г. работа В. Ф. Горленко, которую следует считать первой частью истории украинской этнографии, дает твердое основание надеяться, что от ее автора можно ожидать в ближайшем будущем цельного труда по истории этнографической науки на Украине, выполненного не менее успешно.

М. Гринблат

Ямало-Ненецкий национальный округ (Экономико-географическая характеристика). М., 1965, 276 стр., илл.

Книга о Ямало-Ненецком национальном округе написана коллективом сотрудников Уральского филиала АН СССР и Межведомственной Комиссии по проблемам Севера Совета по изучению производительных сил (СОПС) Госплана СССР. Это одна из четырех книг, посвященных описанию национальных округов, вышедших за последнее десятилетие¹. Все они (за исключением работы «Корякский национальный округ») содержат преимущественно сведения экономико-географического характера и мало освещают историю, хозяйство, культуру и быт коренных жителей. Как известно, национальные округа были созданы для того, чтобы поднять экономику и культуру коренного населения, и в работах, посвященных национальным округам, надо уделять этим вопросам больше внимания.

Рецензируемая книга написана на основе обобщения данных экспедиций Уральского филиала АН СССР 1955—1956 и 1959—1960 гг., материалов Межведомственной Комиссии по проблемам Севера СОПС при Госплане СССР, статистических сведений,

¹ Н. М. Кокосов, В. И. Никулин, В. И. Харин, Ханты-Мансийский национальный округ (Очерк природы и хозяйства), Свердловск, 1956; И. С. Гурвич, К. Г. Кузак, Корякский национальный округ (Очерки географии, истории, этнографии, экономики), М., 1960; Н. М. Ковязин и К. Г. Кузак, Советская Эвенкия (Экономико-географический очерк), М.—Л., 1963.

собранных в областных и окружных хозяйственных и плановых организациях, а также литературных источников.

Работа состоит из предисловия, девяти глав и обширного списка литературы, насчитывающего около 500 названий.

I глава содержит общую характеристику округа, здесь же дано его природно-экономическое районирование.

II глава (Историко-географический очерк) посвящена истории края, социалистическому строительству и исследовательским работам в округе и почти полностью взята автором из ранее вышедшей его книги². Глава содержит интересный фактический материал по истории края, однако не лишена некоторых недостатков. Композиционно разобщены разделы о коренном населении во II и III главах. Во II главе выпали из поля зрения занятия хантов до Великой Октябрьской революции (стр. 20). Вызывают возражения отдельные формулировки, касающиеся общественных отношений хантов ко времени присоединения Западной Сибири к России (стр. 20). Так, фратрии существовали не только у хантов, но и у ненцев. Фратрии обских угров регулировали брачные отношения и имели религиозное значение. Истории обских угров неизвестны вожди фратрий, а так называемые князья были старейшинами родов или союзов родов, возможно племен, и далеко не всегда составляли «экономически мощную верхушку» (стр. 20). Роль коллективного труда в хозяйстве хантов, особенно в рыболовстве, была не меньше, чем у ненцев. В разделе «Социалистическое строительство» слабо показаны преобразования в хозяйстве, культуре и быте коренного населения в последние десятилетия. Нельзя не выразить сожаления, что автор почти не остановился на исследованиях, проведенных этнографами центральных и местных учреждений в области изучения хозяйства, культуры и быта ненцев, хантов и селькупов, проживающих в округе.

III глава характеризует население округа, его численность, состав и размещение, здесь же весьма кратко и схематично освещается современный быт коренного населения, более детально дан материал по развитию в округе образования, культурного строительства и здравоохранения. В целом глава дает общее представление о национальном составе и расселении населения округа, об особенностях культуры и быта коренного населения в настоящее время, хотя можно указать на некоторые неточности и недомолвки. Говоря о том, что $\frac{2}{3}$ ненцев живут в северной части округа и носят название тундровых (стр. 53), автор умалчивает о существовании интереснейшей группы лесных ненцев, населяющих Пуровский район. Показывая расселение хантов в округе, автор не упоминает о реках Сыня и Куноват, где живет значительная часть хантов Шурышкарского района (стр. 53). Следовало бы указать, что и хантам в прошлом зимним жилищем служила полумесяцка, а летом не только оленеводы, но и рыбаки жили в берестяных чумах (стр. 57).

Декоративно-прикладное искусство, особенно в части меховой мозаики и аппликации, хорошо развито и у хантов (стр. 64). В последнем разделе правильно поставлены задачи дальнейшего культурного строительства — ликвидация неграмотности, текучести кадров специалистов, строительство новых культурно-бытовых объектов и т. п. Указывая на один из резервов трудовых ресурсов — вовлечение в производство лиц, занятых в домашнем хозяйстве (стр. 66), следовало бы подчеркнуть необходимость проведения мероприятий для высвобождения этих лиц из сферы домашнего хозяйства (создание бытовых предприятий, мастерских, детских садов и яслей и т. п.). Как и в других главах, здесь совершенно правильно определяется место коренного населения в трудовых ресурсах округа и подчеркивается необходимость рационального использования исторически сложившихся навыков коренного населения.

IV глава «Природные условия и естественные ресурсы» показывает их большое разнообразие и богатство.

V и VI главы дают подробную характеристику рыбной и лесной промышленности в округе, ставят задачи их дальнейшего развития (более эффективная механизация, увеличение холодильных установок, проведение рыбодомелиоративных мероприятий и сооружение рыбоперерабатывающих заводов, охрана водоемов от загрязнения и засорения нефтепродуктами и сплавным лесом, улучшение качества рыбной продукции, улучшение жилищно-бытовых условий тружеников рыбной промышленности и т. п.). К сожалению, не показана роль коренного населения в развитии рыбной промышленности.

VII глава содержит очерк развития сельского и промыслового хозяйства. В главе правильно подчеркивается, что основные отрасли хозяйства коренного населения — традиционные: оленеводство, охотничий и рыбный промыслы. Подробно рассказывается о традиционных и новых отраслях хозяйства с дореволюционного времени до наших дней, вскрываются основные трудности в их развитии, причины их, освещаются задачи и перспективы развития промыслового и сельского хозяйства. В разделе «Оленеводство» подробно описан опыт оленеводов других северных округов и областей, ищущих пути совершенствования системы выпаса и содержания оленей. Авторы приводят по-

² Г. Н. Тарасенков, На просторах Обь-Иртышья, Тюмень, 1964.

ложительные и отрицательные моменты в различных видах организации оленеводства. Заметим, что при описании применения механизированных средств транспорта в пастушеских бригадах (стр. 175—176) авторы не остановились на недостатках, связанных с этим методом: частой ломке механизмов, трудности доставки горючего, разрушения гусеницами тракторов пастбищ. В разделе, где говорится о полувольном выпасе оленей, следовало бы указать на применение этого метода в Мурманской и Магаданской областях (стр. 176). Авторы допускают неточность, проводя границы развития в прошлом оленеводства в округе (стр. 161): и в верховьях Пура, в верхнем и среднем течении р. Таз оленеводство было развито, правда, таежного типа³. К сожалению, звероводство не может обеспечить занятость оседлого населения больше, чем животноводство и овощеводство, как это утверждают авторы, так как оно дает занятия лишь небольшому контингенту лиц. Вызывает сомнение возможность обеспечения растущих потребностей округа (особенно в перспективе его развития) в мясе за счет оленеводства (стр. 204, 255). Оленеводство в первую очередь должно обеспечить мясом и шкурами коренное население, а уже затем — нужды остального населения округа. Материалы Северной экспедиции Института этнографии показывают, что распространенный в прошлом у ненцев загонный способ добычи песка — «талара» — в последние годы стал применяться меньше, а не наоборот, как пишут авторы (стр. 219, 221).

В VIII главе дается детальное описание средств транспорта и связи округа, хотя автору следовало бы указать на необходимость дальнейшего развития авиатранспорта, без которого невозможен переход на оседлый образ жизни оленеводов и охотников.

Заключительная IX глава освещает основные пути развития производительных сил Ямало-Ненецкого национального округа. Отмечая отставание народностей Севера от уровня культуры и быта населения других районов страны, авторы указывают на необходимость увязки развития промышленности в округе и мер к подъему хозяйства, культуры и быта коренного населения.

В заключение отметим, что в целом книга «Ямало-Ненецкий национальный округ» содержит большой познавательный материал и может служить также хорошим пособием для практических работников Крайнего Севера.

³ Г. Д. Вербов, Пережитки родового строя у ненцев. «Сов. этнография», 1939, II, стр. 58; Б. Н. Городков, Западно-Сибирская экспедиция Российской Академии наук и Русского Географического общества. 1924, «Народы Сибири», М.—Л., 1956, стр. 671.

З. Соколова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Robert A. McKennan. *The Chandalar-Kutchin*. «Arctic Institute of North America Technical Papers», № 17, 1965, 156 стр.

Монография известного американского исследователя индейцев Аляски Роберта Маккеннана «Кучины-чандалар» посвящена этнографическому описанию небольшой группы (126 чел.) атапасков. Эта группа — одно из восьми родо-племенных подразделений племени кучинов — обитала в 1933 г. на р. Чандалар, северном притоке р. Юкон. Материалом для монографии послужили главным образом полевые наблюдения автора в 1933 г. Называя кучинов-чандалар «племенем», Р. Маккеннан оговаривает условность употребления этого термина, и не только в данном случае, но и применительно ко всем группам атапасков Аляски. Он отмечает, что приводимые в этнографических монографиях «племенные» названия атапасков не являются их самоназваниями, а даются различным географическим подразделениям атапасков их соседями. Сами же индейцы различных групп называют себя вариантами одного термина «дене», что указывает, несомненно, на прежнюю этническую общность всех этих подразделений. Р. Маккеннан, как и другие исследователи, отмечает, что, например, аляскинские атапаски различаются между собой лишь незначительными особенностями в языке и культуре, которые за последние годы быстро стираются. По-видимому, племена атапасков — это довольно поздние территориальные родо-племенные подразделения одного или двух первоначальных племен. Аляскинские атапаски, как известно, образуют вместе с атапасками бассейна р. Макензи северную группу широко распространенных по Североамериканскому матерiku атапаскоязычных племен. В современных распространенных среди этнографов Запада концепциях истории первобытности, отрицающих учение Моргана о роде, северным атапаскам, как и северным алгонкинам, отводится особое место. Они трактуются обычно как носители самой «рудиментарной», самой первобытной в истории общества формы человеческого общежития. Их изображают типичными представителями первобытных извечно кочевых племен охотников